

II. ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
vdemiank@mail.ru

СОГЛАСОВАНИЕ И АДАПТАЦИЯ МОДАЛЬНОСТЕЙ¹

Понятие модальности по-разному определяется и трактуется в различных лингвистических концепциях. В общем смысле это понятие связано с отграничением формы сообщения от собственно содержания текста. Модальность предопределяет поэтому связность дискурса. Различаются каналные и надканалные виды модальности, дающие в своей совокупности широкую гамму возможностей межканальной и надканальной адаптации сообщения, в том числе, и адаптации дискурсов к различным идеологическим системам. Комиксы и тексты для детей дают примеры такой адаптации.

Ключевые слова: модальность, модальная адаптация текста, язык глухих, жест, форма и содержание.

1. Модальность каналная и надканалная. В сопоставительных исследованиях последних лет под модальностью понимают одновременно: способ (mode), которым знаки производятся и воспринимаются, и «каналы передачи» (transmission channels). Когда отграничивают «звуковые» языки от «жестовых» (signed languages), констатируют границы взаимопроникновения модальностей, устанавливая, “what are the effects and non-effects of modality upon linguistic structure” [Meier 2004: 1].

Сходства между зрительной и звуковой модальностями настолько велики, что классики теории языка, такие как Л. Блумфилд, считали

¹ Исследование, описанное в разделах 1 и 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Раздел 3 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

жестовый язык неслышащих производным от звукового. Действительно, техники создания и подачи звуковых и письменных знаков имеют параллели в рамках жестовой модальности. Так, гласные в звуковой речи очень похожи по своему поведению на движение – прекращение движения в жестовых языках неслышащих, см. [Brentari 2004: 46]. Исследование фундаментальных сходств и различий языков, обладающих исключительно различными каналами передачи, – например, систем коммуникации неслышащих в противоположность системам коммуникации слышащих носителей языка, – углубляет понимание эволюции языка в целом [Armstrong et al. 1995: 37].

Однако эмпирические исследования последних лет все больше подкрепляют сомнения в том, что речь идет об одном языке с различными техниками передачи. Например, язык итальянских глухих по свойствам своим далеко не во всем конформен обычному итальянскому языку: одному слову итальянского языка могут соответствовать два разных знака языках глухих и наоборот, одному слову языка глухих могут соответствовать два слова итальянского литературного языка; не совпадает и идиоматика в этих модальностях; на семантике знака сказывается мимика, в языке глухих играющая смысловозначительную роль [Romeo 1991: VII]. Подобные наблюдения находим в описании практически всех языков глухих в сопоставлении с общенациональными языками.

Следует отметить, что за пределами англоязычной лингвистической литературы под *модальностью* обычно не имеется в виду канал передачи воспринимаемых сообщений. Так, в работе [Nølke 2003: 181] (и огромном количестве других публикаций) выделяются три типа модальности: а) логическая (деонтическая, эпистемологическая и т.п., б) высказывательная (объясняемая наличием и характеристикой говорящего) и в) интеракциональная (иллокутивная). А «канальная» модальность даже не упоминается.

В самом широком смысле модальность (или способ подачи некоторого содержания) противопоставляется «содержанию»; так, по И. Канту, модальность суждения никак не связана с собственно содержанием: “Die Modalität der Urteile ist eine ganz besondere Funktion derselben, die das Unterscheidende an sich hat, daß sie nichts zum Inhalte des Urteils beiträgt (denn außer Größe, Qualität und Verhältnis ist nichts mehr, was der Inhalt eines Urteils ausmachte), sondern nur den Wert der Kopula in Beziehung auf das Denken überhaupt angeht” [Kant 1781: 145]. Но эта исходная установка как раз и вызывает сомнения в незыблимо-

сти границ между «надканальной» модальностью и содержанием высказывания. Так, отграничение объективно передаваемого содержания от субъективной установки на восприятие этого содержания [Ducrot 1993: 113] сродни противопоставлению содержания – комментарию, а диктума – модусу: «Модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли 1955: 44]. Другие авторы определяют модальность как «законную силу высказывания» (*Gültigkeit der Aussage*), или отношение между объективной действительностью и субъективным восприятием говорящего [Lerch 1934: 1]; как «субъективное отношение говорящего к высказыванию (сомнение, желание и т.д.)» [Курилович 1962: 54].

Бывают еще суждения о суждениях, и тогда модальность должна быть привязана к одному из нескольких говорящих [Kerbrat-Orecchioni 1980: 153], что не всегда приводит к однозначному результату, ср.: *Джон утверждал, что Мери (якобы) пришла*, см. [Chung 1991: 31]. Причем не только речевой акт обладает модальностью, но и действие, чувства, воля могут рассматриваться как желанные, возможные, иллюзорные, то есть, обладающие своей модальностью, см. [Brunot 1922: 3].

2. Границы между модальностью и сообщением. Форма подачи информации предопределяет не только возможности восприятия и переработки этой информации, но и границы самой информации [Weiland 1989: 76]: возможности формы предопределяют само содержание. От такой формы зависит и когерентность, или смысловая связность текста, см. [Stutterheim 1993: 11]; не даром модальность издавна относят к категории дискурса, а не предложения, см. [Dressler 1970: 206]. Когерентность дискурса состоит, в частности, и в согласовании вербального, просодического, жестового и окуломоторного коммуникативных каналов [Кибрик 2018: 70]. Как показывают эмпирические исследования с применением окулографического оборудования, «существует положительная прямая корреляция между длительностью фиксации на визуальных стимулах (объектах, изображенных на картине) и их профилированием в речи и жестах при последующем устном описании» [Ирисханова, Прокофьева 2017: 80]. А именно, жесты обладают функциями резонирования и ориентации (там же, с. 85); они также указывают на смену дискурсивной траектории [Ирисханова 2018: 100]. Так, одну

и ту же информацию можно сообщить в рамках различных канальных модальностей: о том, что поздно, можно ненавязчиво напомнить, время от времени поглядывая на часы, – а можно не в бровь, а в глаз сказать, что уже полночь и «спать охота».

Интересный случай описан в недавнем сообщении СМИ: «... глава российского МИДа начал благодарить принимающую сторону за прекрасную организацию мероприятия. Однако он вскоре прервал свою речь, когда увидел, что участники заседания сигнализировали ему жестами проблемы со звуком» (РИА «Новости»). Можно предположить, что жесты были из репертуара разных культур, но наш министр, как всегда, справился и с этим жестовым многоязычием. Мой читатель несомненно сможет сам реконструировать использованные жесты.

Сказать «русским языком» или «намекнуть» также относят к разграничению различных модальностей сообщения. Иногда говорят о модальностях взаимодействия (серьезный тон и соответствующая жестикация противопоставляются шутливому, наигранному, упреку, гипотезе и т.п.) при классическом предположении, что «пропозициональное содержание» может быть подано с различными модальными гарнирами, ср. [Günthner 2000: 15]. О зависимости модальности от содержания свидетельствует то, что, распекая великовозрастного сына, «в модальности упрека», вряд ли уместно сказать: «В твоём возрасте Моцарт уже умер», а вот в модальности информирования такие фразы вполне допустимы.

Неадекватное «спаривание» канальной модальности с содержанием может вызвать когнитивный диссонанс у интерпретатора, знающего об ограничениях жестового канала; так, следующий отрывок из балетного либретто при внимательном прочтении может вызвать оторопь: «Незнакомка (языком танца) тонко намекнула, что ее мужа зовут Дядя Вася, что уже поздно и пора расставаться». Тем более, что «жесты, телодвижения, коды и особенно мимика имеют столь же определенные и общепринятые значения, как и другие знаки языка: бесспорно, что даже при допущении индивидуальных форм мимики она, как и музыка, заключена в определенные формы, установленные в каждой языковой группе традицией» [Балли 1955: 51]. И далее: «... в речи жесты делятся на те же категории, что и междометия, служа эквивалентами предложений. Существуют восклицательные и модальные жесты; пожимание плечами может означать: «Мне это безразлично»; нахмуренные брови в соединении с грозно устремленным взглядом – «Это приводит меня в гнев». Другие формы носят характер ономапей; много-

кратное постукивание указательным пальцем по лбу означает: «У него помешательство, он ненормальный». Наконец, можно попросить кого-нибудь подойти поближе соответствующим дейктическим жестом; показывают место, которое тот должен занять, указывая на это место пальцем» [Балли 1955: 51].

Жестам, как и речи в целом, присущи такие индивидуальные черты реализации, «манеризмы» (*mannerisms*), которые иногда помимо воли говорящего выдают и отношение к собственному сообщению, и отношение к людям и предметам, о которых нечто сообщается [Gnerre 1987: 11]. В частности, служат жесты оживлению рассказа, пояснению сказанного и регулированию диалога, стимулируя или, наоборот, ограничивая действия собеседника [Calbris, Montredon 1986: 3]. Сказываясь на манере адресации, конфиденциальности, согласия или несогласия и т.п., манеризмы не менее важны, чем явно высказываемые оценки и установки, и часто бывают причиной недоразумений – межличностных и межкультурных, см. [Collett 1993: 1]. Выражаясь в терминах психоанализа, можно сказать, что манеризмы выдают эмоции как телесные проявления подсознания или как участие в построении ментальной репрезентации (“*manifestations émotionnelles ou comme investissement du corps par l'Inconscient, ou bien encore comme participation aux activités de représentation mentale*”) [Feyereisen, Lannoy 1985: 8]. Интересное сопоставление японских жестовых манеризмов с русскими дано в книге [Акишина, Кано 1980], где, в частности, указывается, что по-русски чаще всего жестикулируют одной (правой) рукой: «Вторая рука или не жестикулирует совсем или в меньшей степени движется и не повторяет движений правой руки»; «По сравнению с японским жестом русские жесты имеют меньшую частоту повторяемого движения и несколько больший размах движения»; «При жестикуляции руки не сильно выбрасывают вперед, не сильно отбрасывают от тела, однако не принято жестикулировать, прижимая локти к телу» и т.д. [Акишина, Кано 1980: 9].

В этом самом широком смысле термина выделяют несколько степеней модальности [Joly 1980: 27-28]: а) модальность предложения (ассертивная, интеррогативная, экскламативная, императивная), б) возможность и вероятность, в) разные виды оценочности, сказывающиеся не только на выборе лексики, но и на интонации, г) «синтаксис экспрессивности» [Guillaume 1964], в котором к модальности относят указатели той минимальной актуализации, которая «вписывает» лексемы в предложение; иначе говоря, выделение одних частей предложения на фоне других, тематизация, в частности, и жестикуляция [Guiraud 1962: 30].

3. Взаимоадаптация: межmodalность и трансmodalность.

В «каузальной теории восприятия» как одном из направлений формальной логики предполагается, что восприятие всегда привязано к той или иной «modalности» [Goldman 1983: 274]. Главная задача восприятия – донесение информации, или «правильног омнения» в «выше-стоящие органы», ср.: “The primary function of perception is the generation of information, or true belief, about the organism's environment” [Goldman 1983: 271]. Самый высокий уровень в иерархии «когнитивных modalностей» (cognitive modalities) занимает «семантическая память» [Bayles, Kaszniak 1987: xiv] – многоуровневая система репрезентации, в которую входят концепты, пропозиции и схемы и которая осуществляет «межmodalный трансфер» информации, получаемой от систем восприятия. Именно здесь, как в «центральной процессоре» компьютера, «образуются идеи» (ideation), происходят всевозможные логические умозаключения; а дисфункция этого элемента приводит к драматичным последствиям для человеческого сознания – к деменции (нарушениям «эпизодической памяти» как подсистемы семантической памяти) и к болезни Альцгеймера [Bayles, Kaszniak 1987: 367].

Однако каковы механизмы этой адаптации? Как различные органы чувств взаимоадаптируются в рамках человеческого общения? Как, когда и зачем к показаниям слуха добавляются показания зрения, обоняния, осязания и т.п.?

Жесты по-разному соотносят с вербальным поведением [Sherzer 1973: 118]. Так, «жестикуляцию» считают системой, существующей совершенно автономно от вербальной: говоря по-русски, можно жестикулировать, как дома, по-итальянски. Системе жестов в то же время приписывают корреляциями с вербальной коммуникацией, а также в качестве составной части коммуникативной деятельности, взаимодействующей с вербальными действиями, и как оборотную непроизвольную сторону вербальных действий, их своеобразную «изнанку».

Большое количество зарегистрированных средств жестовой коммуникации можно отнести к надканальным modalностям. Например, неслышащие и слабослышащие овладевают искусством понимания речи по губам говорящего, отсутствие информации восполняя по мимике и телодвижениям говорящего [Evans 1981: 150]; передачу речи «по буквам» с помощью различных конфигураций пальцев – finger spelling – в сочетании с имитацией звуковой речи и со знаками собственно языка глухих (“Manual English”) также можно отнести к категории надканальных modalностей [Evans 1981: 153-154]: эта жестовая передача

предполагает хотя бы минимальное владение звуковым языком говорящего. Особенно показательны использование пальцевых знаков для соответствующих букв английского алфавита *s* и *d* в качестве глагольных флексий настоящего и прошедшего времени в системе “Signed English” [Bornsteinetal. 1975].

Рассмотрение восприятия речи как разновидности восприятия вообще покоится на допущении, что у всех видов восприятия и действия имеются сходные механизмы, которые только адаптируются к каждой из «модальностей», а на самом деле, возможно, представляют собой различные ипостаси человеческой природы; поэтому методы исследования звуковой речи можно применить и к другим модальностям. Скажем, исследовать жестовые языки и просто жесты человека в терминах современной фонологической теории [Friedman 1975: 147]; о «жестовой фонологии» см. [Kleinhenz 1996: IX]. Можно говорить также о «жестовом синтаксисе», выясняя, какие последовательности жестов допустимы, а какие невозможны. Канальная модальность называется на словообразовании, на порядке слов. Например, порядок слов в языке израильских глухих сильно отличается от ивритского, отрицательная частица ставится обычно в конце предложения (как в немецком) и т.д.; ср.: “The ISL word order is sometimes so unusual and unfamiliar that it appears on first encounter not to follow any rules at all” [Meir, Sandler 2008: 121]. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что на первом месте в высказывании на этом языке глухих должен быть топик (там же). При больших сходствах в целом поражают различия некоторых частных свойств звукового и жестового языков, см. [SignLanguages 2016]. Не менее занимательно изучение жестовой семантики (занимающейся прямым значением жестов, к которым относятся: портрет события, пространства, движения, ритм и указание [Ekman, Friesen 1969: 62]), и прагматики, в том числе, идиоматики – переносных смыслов жестов в рамках целого дискурса, даже если этот дискурс многоканален.

Этот методический минимализм – использование методов многоцелевого исследования – покоится на априорных допущениях относительно человеческой коммуникации в целом. В частности, то, что легко передать в рамках звуковой модальности, не всегда столь же легко поддается передаче с помощью жестов или запахов; и наоборот, указывающие жесты, направляющие взгляд адресата в пространстве, достигают цели легче, чем чисто вербальные знаки: степень иконичности знака зависит от модальности [Friedman 1975a: 959]. То, что иконично

в одной модальности коммуникации (скажем, указание на громкость звука в звуковой модальности), не всегда иконично в другой (то же указание на громкость в жестовой модальности). По [Meier 2004: 11], жесты обладают большим «доступом к иконичности» (access to iconicity), чем звуковые.

Мы можем говорить о том, что видим или осязаем. Но насколько эта вербальная модальность адекватна зрительной или осязательной? Скажем, если от рождения незрячий человек, привыкший говорить о кубе или о шаре, основываясь на осязании, в какой-то момент обретет зрение – узнает ли он эти фигуры или ему придется их осваивать, ощупывая, заново? Этот вопрос, который Уильям Молинеу (William Molyneux) задал в письме Джону Локку (“if a man born blind can feel the differences between shapes such as spheres and cubes, could he, if given the ability to see, distinguish those objects by sight alone, in reference to the tactile schemata he already possessed?”), судя по практике человеческой коммуникации, получит положительный ответ: да, он их опознает без дополнительного обучения, поскольку в основе всех человеческих модальностей восприятия лежит одна глубинная репрезентация. Но как достигается межканальный консенсус – проблема «сообщающихся модальностей» – остается пока что загадкой [Levinson 1996: 152]. Волны исследовательской эйфории (ощущение, что остался только один шаг до непосредственного ухватывания предмета познания) сменяются полным скепсисом (ощущением полной непознаваемости), см. [Dopfer 1989: 4]. При одном решении предполагают, что один и тот же субъект обладает одной доминирующей модальностью, в которую свои поправки делают подчиненные модальности; данные из этой главной модальности проникают в подчиненные, в результате происходит адаптация друг к другу показаний разных модальностей. При другом решении предполагают, что показания модальностей между собой в принципе не сопоставимы и не «переводимы», но есть одна общая модальность – наиболее адаптивная к данным, поступающим извне (пусть и не абсолютно совместимая с остальными), с которой иногда вынужденно «соглашаются» подчиненные (иногда не без диссонанса), которые в такую центральную диспетчерскую подают предварительно аннотированные, а не полные данные (см. там же). Это другое решение продолжает линию рассуждения, представленную Дж. Беркли еще в работе 1709 г.: «никогда не бывает, чтобы мы видели и осязали один и тот же объект. То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, совершенно другая вещь. [...] объекты зрения и осязания суть две отдельные вещи. Может

быть, нужно некоторое усилие мысли, чтобы правильно понять это различие их. И, кажется, увеличению трудности немало содействовало то, что комбинация идей зрения имеет всегда то же название, что и связанная с ней комбинация идей осязания (что есть необходимое следствие употребления и цели языка)» [Беркли 1978: 74].

Наиболее вероятным кандидатом на доминирование, по Беркли, является речевая модальность, позволяющая огрубленно аннотировать показания разных органов чувств как рядоположенные (отсюда явление синестезии). Недаром в языке можно выделить лексемы «кроссмодального рядоположения» [Рузин 1996: 47]: для звука, света, запаха – *испускать, наполнять, струиться*; для звука и запаха – *издавать, доноситься, разноситься*; для звука и света – *литься*; для света и запаха – *источать*. Можно сказать, что модальности (“modes of perception”), в которых сообщают о событиях восприятия или сообщения, дают перекрестную классификацию этим событиям [McGilvray 1983: 57].

На такой перекрестной классификации и основана трансmodalная адаптация в виде комиксов, когда содержание крупного литературного произведения пересказывается в виде серии изображений. Надканальная адаптация содержания к аудитории – скажем, книги патриотического содержания, адресованные детям и подросткам, – можно отличить от «взрослых» прообразов не только по выбору более доступной лексики и простоте синтаксиса, но и по шадящим модальностям, в которые, как в прошлогоднюю газетку, завернуты излагаемые события, а также по морально-этическому комментарию, в европейских культурах более навязчивому и более эксплицитному, чем при ориентации на китайского или на взрослого читателя.

Заключение. «Канальная» и «надканальная» модальности, при всех их различиях, обладают большим количеством сходных и даже общих черт. С семиотической точки зрения удивительно то, что в определенных обстоятельствах модальность может стать содержанием сообщения, а содержание может быть подано в качестве модальности.

Литература

Акишина А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики. Токио: Наука, 1980.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: пер. с фр. М.: Изд-во иностр. литературы, 1955. (Французское издание 1932).

Беркли Дж. Опыт новой теории знания: пер. с англ. // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 49-136. (Английское издание 1709/32).

Ирисханова О.К., Прокофьева О.Н. Фокусирование в устном описательном дискурсе: Анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXIX. С. 80-87.

Ирисханова О.К. Жесты как индикаторы смены дискурсивной траектории // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 100-115.

Кибрик А.А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70-80.

Курлович Е. Очерки по лингвистике: сборник статей. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.

Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. №5. 39-50.

Armstrong D.F., Stokoe W.C., Wilcox Sh.E. Gesture and the Nature of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Bayles K.A., Kaszniak A.W. Communication and Cognition in Normal Aging and Dementia / With the assistance of Cheryl K. Tomoeda, M.S. London: Taylor & Francis, 1987.

Bornstein H., Hamilton L.B., Saulnier K.L., Roy H.L. The Signed English Dictionary for Preschool and Elementary Levels. Washington (D.C.): Gallaudet College Press, 1975.

Brentari D. Modality differences in sign language phonology and morphophonemics // Modality and structure in signed and spoken languages / Meier R.P., Cormier K., Quinto-Pozos D. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 35-64.

Brunot F. L'expression des relations et l'expression des modalités en langue française: Concordances et discordances. København: Hovedkommissionær: Høst & Søn, 1920.

Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire / Dessins de Zaü. Paris: Clé International, 1986.

Chung Ch.-S.D. Das Verfahren der Modalisierung: Eine kontrastive Analyse anhand der spanischen, deutschen und koreanischen Sprache. Göttingen: Georg-August Universität zu Göttingen, 1991.

Collett P. Foreign bodies: A guide to European mannerisms. London etc.: Simon & Schuster, 1993.

Dressler W.U. Towards a semantic deep structure of discourse grammar // Papers from the Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago, 1970. Vol. 6. P. 202-209.

Ducrot O. A quoi sert le concept de modalité? // Modality in language acquisition: Modalité et acquisition des langues / Dittmar N., Reich A. (eds.). Berlin; N.Y.: Gruyter, 1993. P. 111-129.

Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1. No. 1. P. 49-98.

Evans L. Psycholinguistic perspectives on visual communication // *Perspectives on British Sign Language and deafness* / Woll B. et al (ed.). London: Croom Helm, 1981. P. 150-161.

Feyereisen P., Lannoy J.-D. de. *Psychologie du geste*. Bruxelles: Mardaga, 1985.

Friedman L.A. Phonological processes in American sign language // *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley (California), 1975. Vol. 1. P. 147-159.

Friedman L.A. Space, time, and person reference in American sign language // *Language*. 1975. Vol. 51. No. 4. P. 940-961. (1975a).

Gnerre M. The lexicalization of linguistic action and its relation to literacy // *Linguistic action: Some empirical-conceptual studies* / Verschueren J. (ed.). Norwood (N.J.): Ablex, 1987. P. 11-25.

Goldman A.I. Perceptual objects // *Causal theories of mind: Action, knowledge, memory, perception, and reference* / S. Davis(ed.). Berlin; N.Y.: Gruyter, 1983. P. 271-296.

Guillaume G. *Langage et science du langage*. Paris: Librairie A.-G. Nizet; Québec: Presses de l' Université Laval, 1964.

Günthner S. *Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen*. Tübingen: Niemeyer, 2000.

Joly A. Pour une approche psychomécanique de l'énonciation // *Langage et psychomécanique du langage: Pour Roch Valin*. Québec: Presses Universitaires de Lille; Presses Universitaires de l'Université Laval, 1980.

Kant I. *Kritik der reinen Vernunft* / Ehemalige Kehrbachsche Ausgabe, hrsgn. v. Raymund Schmidt. Leipzig.: Reclam, 1979. (1. Aufl. 1781).

Kerbrat-Orecchioni C. *L'énonciation: De la subjectivité dans le langage*. Paris: Librairie Armand Colin, 1980.

Kleinhenz U. Introduction // *Interfaces in phonology* / Kleinhenz U. (ed.). Berlin: Akademie, 1996. P. IX-XI.

Lerch E. *Historische Französische Syntax: 3. Bd. Modalität: (Stimmführung und affektische Verkürzung; Interjektionen und Nominalsätze; Stimmdruck und Wortstellung)*. Leipzig: Reisland, 1934.

Levinson S.C. Frames of reference and Molyneux's question: Crosslinguistic evidence // *Language and space* / P. Bloom et al. (ed.). Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology, 1996. P. 109-169.

McGilvray J.A. To color // *Synthese*. 1983. Vol. 54. No. 1. P. 37-70.

Meier R.P. Why different, why the same? Explaining effects and non-effects of modality upon linguistic structure in sign and speech // *Modality and structure in signed and spoken languages* / Meier R.P., Cormier K., Quinto-Pozos D.(eds.).Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1-25.

Meir I., Sandler W. A Language in Space: The Story of Israeli Sign Language. N.Y.; London: Lawrence Erlbaum, 2008.

Nölke H. Modalité(s) énonciative(s) adverbiale(s) // *Aspects de la modalité* / Birkelund M. et al. (ed.). Tübingen: Niemeyer Verlag, 2003. S. 181-192.

Romeo O. Dizionario dei segni: La lingua dei segni in 1400 immagini. Bologna: Zanichelli, 1991.

Sherzer J. Verbal and nonverbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna // *Language in Society*. 1973. Vol. 2. No. 1. P. 117-131.

Sign Languages: An International Handbook / Pfau R., Steinbach M., Woll B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.

Stutterheim Ch. von. Modality: Function and form in discourse // *Modality in language acquisition: Modalité et acquisition des langues* / Dittmar N., Reich A. (eds.).Berlin; N.Y.: Gruyter, 1993. P. 3-26.

Weiland C. Die Integration verbaler und visueller Einheiten im Sprachverhalten // *Sprechwissenschaft & Psycholinguistik: Beiträge aus Forschung und Praxis* / Hg. von Kegel G. et al. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S. 67-122.

Valery Z. Demyankov (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

MODALITY AGREEMENT AND ADAPTATION

Modality has different definitions in modern linguistics and has to do with the interrelations between form and content of messages. Modality choice gives a key to a coherent text interpretation. Very often, modalities are looked at as garnish and/or package for messages. But sometimes, garnish is indistinguishable from the meals proper. Compositions of different kinds of channel and non-channel modalities are means

of adapting texts to their prospective audience in the framework of certain ideological systems. Comics and children books are examples of adaptive technologies.

Key words: modality, modal adaptation of text, sign languages, gesture, form and content.

***О.К. Ирисханова, А.А. Петров, А.И. Маковеева,
А.В. Леонтьева (Москва, Россия)***

Московский государственный лингвистический университет

oiriskhanova@gmail.com,

petrov@linguanet.ru,

alinamakoveyeva@gmail.com

lentevanja27@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА В УСЛОВИЯХ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА: ОПЫТ ПОЛИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

В статье представлены предварительные результаты эмпирического исследования, нацеленного на установление роли жестов в профессиональной деятельности синхронных переводчиков в условиях повышенной когнитивной нагрузки. Участникам эксперимента – профессиональным синхронистам и менее опытным переводчикам, находящимся в кабине, предлагалось перевести лекции на научно-популярную тему с английского языка на русский и с русского на английский. Полученные видео записи были проанализированы с точки зрения характера и функций используемых жестов. Несмотря на преобладание жестов-адаптеров, которые обычно связывают со стрессом, исследование показало, что движения рук могут играть различные функции, а именно: установления контроля за ментальной деятельностью (жесты-адаптеры), организации речи или ритмического выталкивания (жесты-биты), иллюстрирования мысли (репрезентирующие жесты), совмещения перспектив (прагматические жесты).

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивная нагрузка, жесты, функция установления контроля, функция организации речи, функция иллюстрирования мысли, функция совмещения перспектив.

¹ Проект реализуется в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РФФ (проект № 19-18-00357) исследовательским коллективом под руководством А. Ченки.